

Листы картона

Оксана Кириллова

Оксана Кириллова

Листы картона

«Издательские решения»

Кириллова О.

Листы картона / О. Кириллова — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-904314-6

Когда реальность не совпадает с мечтами, мы иногда погружаемся в мир иллюзий. Но что делать, если невинные детские фантазии оборачиваются кошмаром — мир раскалывается на множество частей, в каждой из которых твоя жизнь складывается по-разному? Кто ты сегодня? Что происходит вокруг? Какие ужасные секреты таит вчерашний день и что принесет завтрашний? Ты больше ничего не знаешь и ни за что не отвечаешь. Добро пожаловать в бесконечный хаос...

ISBN 978-5-44-904314-6

© Кириллова О.
© Издательские решения

Содержание

Часть 1	6
I	6
II	9
III	11
IV	12
V	15
VI	18
VII	21
Конец ознакомительного фрагмента.	24

Листы картона

Оксана Кириллова

© Оксана Кириллова, 2018

ISBN 978-5-4490-4314-6

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Часть 1

I

Небо было ярко-голубым. По крайней мере, таким оно виделось четырехлетнему Тихону, сыну Ирины Шепелевой, которая весело болтала с подругой на парковой лавочке. На Ирине была бирюзовая юбка в красный цветочек (странное сочетание, но в ту пору она любила все кричащее, граничащее с безвкусицей). Сочные цвета завораживали мальчика – это одна из причин, по которой он постоянно крутился возле мамы и цеплялся за ее юбку.

– Господи, ну пойди поиграй, – отмахнулась от малыша Ирина.

Мальчик широко распахнул круглые карие глаза и уставился на мать со смесью страха и восторга. Она обожала сына, готова была всю ночь укачивать его, когда он не спал, и до утра читать ему сказки про Изумрудный город, когда болел или хандрил. Но Ирине было всего двадцать четыре, жизнь была ключом, и на работе, куда она устроилась три недели назад, завязывался роман с «может, не блестящим, но перспективным мужчиной, который, кстати, любит детей». И обо всем этом надо было непременно поведать лучшей подруге Алине, охочей до сплетен. А сын вертелся рядом и хоть мало понимал, но все слышал, и если бы он вдруг сболтнул фразу из их разговора (практически любую) при бабушке...

Ох, такое пару раз случалось, и Ирине уже хватило воспитательных бесед. Так что разумнее было держать малыша на некотором расстоянии.

Но Тихон никак не желал отходить ни на шаг. При этом он ел эскимо, которое таяло и капало – когда очередная капля попала Ирине на юбку, из ее голоса исчезла вся мягкость.

– А ну-ка отойди и перестань мешать нам с тетей Алиной! – гаркнула она, отцепляя детские пальчики от своего наряда.

Малыш сморщился, собираясь заплакать, но Ирина неумолимо подтолкнула его в сторону песочницы:

– Да иди ты уже к ДРУЗЬЯМ!

Под определение «друзей» Тихона, по мнению матери, попадали все дети от одного до семи лет. С каждым из них мальчик обязан был подружиться в течение нескольких секунд – это же так просто: подошел, заговорил, показал, какие куличики умеешь лепить из песка – и ты душа компании.

Легкая на подъем Ирина до сих пор не желала признавать, что сыну трудно общаться со сверстниками, хотя это стало одной из причин, по которой ей пришлось забрать его из садика. «Он ни с кем не заговаривает, а когда обращаются к нему, отвечает односложно. Если его обижают, прячется в углу и считает до тринадцати, – тревожно сообщила Ирине воспитатель и шепотом добавила: – Вам не кажется, что это... странно?».

При слове «друзья» Тихон разревелся, да так жалобно и горько, что даже Алина предложила подружке:

– Оставь ребенка в покое, пусть будет рядом, зато под твоим присмотром.

– Я отсюда все отлично вижу, а ему надо учиться ладить с другими детьми, – отрезала Ирина.

Тихон не перестал всхлипывать, и она, закатив глаза, начала монотонно приговаривать: «Один. Два. Три. Четы-ыре...».

Гнев обычно утихал на счет «тринадцать». Умные книжки по психологии, прочитанные ею в кратком содержании, но с большой гордостью, учили Ирину считать до десяти, прежде чем срываться, но вот десяти всегда оказывалось мало. Иногда, правда, добравшись до тринадцати,

Ирина не успокаивалась, а раздражалась еще больше и могла шлепнуть Тихона по попе. Зная об этом, сын чутко следил за настроением матери.

В этот раз, уяснив себе, что она разозлилась не на шутку, мальчик снова бросил на нее тоскливый взгляд и покорно шагнул к песочнице, к враждебному миру.

Песку, видимо, полагалось быть желтым, особенно в восприятии ребенка (известно же, что дети видят и рисуют мир более ярким, чем он есть), но Тихон на его счет не обманывался: песок был грязно-серым, как пепел, противнее не бывает. Это делало участь Тихона еще более печальной.

– Привет, – пропищал он.

Возившиеся в песочнице малыши не обращали на него никакого внимания – как раз в этот момент они начали спорить о форме «куличиков», и это было, конечно, куда интереснее, чем знакомиться с каким-то маменькиным сынком. У которого к тому же нет с собой игрушек.

– Мальчик, ты кто? – заметив его, важно спросила малышка лет пяти с двумя косичками, одетая в жизнерадостный желтый сарафан. Тихон улыбнулся ей.

– Меня зо... – начал он, но внезапно получил удар детской лопаткой.

Спор игравших позади ребят достиг апогея, один из них собрался решить вопрос силой и, размахиваясь, случайно попал в Тихона. Это было бы не трагично, если бы Тихон, попятившись от неожиданности, не споткнулся обо что-то и не растянулся на земле. А вот это уже было больно и очень обидно. Кроме того, недоеденное мороженое каким-то образом размазало по штанам мальчика.

Как он ни старался сдержаться, слезы все равно навернулись на глаза. Что хуже всего, и девочка, и остальные дети стали смеяться, а один сказал: «Ну и нечего было соваться в НАШУ песочницу». Тихон был полностью с ним согласен, и осознание этого заставило его зарыдать еще громче.

– Да сколько можно-то! – наконец спохватившись, подскочила к сыну Ирина.

Вместо того чтобы пожалеть и приласкать, она прямо при всех стала отчитывать и без того чувствовавшего себя опозоренным ребенка:

– Почему тебя нельзя оставить ни на минуту?! Смотри, весь изгваздался!

Увидев содранные ладони, Ирина сменила тон, вытерла мальчику руки влажной салфеткой, кое-как оттерла с его одежды пятна от эскимо, посадила сына на колени и стала ласково поглаживать по голове. Алина как раз планировала рассказать историю, которая не предназначалась для детских ушей, и наблюдала за матерью и сыном с кислой улыбкой. Но все это уже не имело значения.

«Я всегда буду играть только один», – пообещал себе Тихон, уткнувшись в надушенные волосы Ирины.

Небо было ярко-голубым, мамина юбка – разноцветной и забавной, а песок в песочнице, где играли дети моего возраста, казался желтым, как солнце. Все было прекрасно, мама улыбалась и трепала меня по волосам. Мы пришли в парк вдвоем, по дороге она купила мое любимое шоколадное эскимо, и мы оба его съели. Одно я, одно она. Я старался кусать аккуратно, чтобы не испачкать новые штаны, и все получилось: ни капельки не капнуло. Мама меня похвалила, сказала, что я «ну совсем уже взрослый».

Мама села на скамейку и подняла меня к себе на колени. Стала щекотать меня – не сильно, слегка, до приятных мурашек. Игравшие неподалеку дети иногда смотрели на нас. Мне показалось, что девочка – с двумя косичками и в желтом сарафане – хочет что-то сказать мне. Не успел я подумать об этом, как она сама подбежала к нам.

– Привет, как тебя зовут? – Смущенно посмотрев на маму, она добавила «здравствуйте», та дружелюбно ей кивнула.

– Тихон, – удивленно проговорил я.

– А я Маша.

– Хочешь играть с нами?

Она была такая красивая, милая, светлая, и мне очень хотелось играть с ней и ее друзьями. Обычно я не очень люблю общаться с остальными детьми, но тут было совсем другое дело.

Я повернулся к маме.

– Иди, сынок. Я посмотрю на тебя отсюда. – Она поцеловала меня в затылок и осторожно спустила на землю.

Я пошел к песочнице с Машей за руку. Через пару шагов решил оглянуться на маму – она помахала мне и снова жестом показала, что я могу идти дальше. Рука у девочки была маленькой и теплой, мне нравилось держать ее в своей.

Увидев, что я на секунду притормозил, девочка сказала:

– Пошли, Тихон!

Удивительно, как это она запомнила мое имя с первого раза. Другим детям это часто не удавалось, они либо забывали его совсем, либо произносили неправильно. Я становился то Тихой, то Миханом.

– Пошли, Маша, – согласился я, и мы продолжили наш короткий путь почти бегом – у песочницы даже чуть не упали, но я все же удержался и удержал ее.

Мы засмеялись, и друзья Маши – вместе с нами, но это был добрый, не обидный смех. Я познакомился со всеми, мне одолжили формочки для «куличей», и мы начали игру. Долгую и увлекательную.

II

Тихон почти не помнил то время, когда отец и мать еще жили вместе – они развелись до того, как ему исполнилось три года. Единственным запомнившимся ребенку ощущением от жизни в полной семье было ощущение скуки, серой и всепоглощающей, какая бывает только в детстве, когда пока не умеешь занимать себя сам, а другим не до тебя. Находясь в одном помещении хотя бы на полчаса без объединяющего их важного дела, родители начинали шумно выяснять отношения и практически забывали про Тихона.

Ирина гордилась своим умением «продолжать смотреть за сыном, что бы ни случилось», но на самом деле этот механизм у нее частенько сбоил. У отца он отсутствовал вовсе, что не мешало ему постоянно указывать на ошибки жены: недосмотрела за ребенком, не так одела, не тем накормила и вообще плохая мать. Ирина в долгу не оставалась – у нее всегда было чем попрекнуть мужа. Отец не был привязан к мальчику и больше говорил, чем делал – вечно выяснялось, что он дико занят учебой или работой, которую пришлось найти параллельно, чтобы приносить хоть какие-то деньги в семью.

Пока родители препирались, Тихон пробовал на вкус кусочки обоев и побелки, крошки с пола, он даже, Господи, трогал розетки. Но и это ему скоро надоедало – хотелось внимания, а мать с отцом орали друг на друга так, будто в этом было особое удовольствие. Решив как-то накричать на маму, чтобы ее порадовать, Тихон очень удивился и расстроился, когда вместо этого она его отшлепала (и до тринадцати считать не стала).

Жадная до жизни, любящая свободу Ирина и несговорчивый, желающий над всеми главенствовать Олег не поженились бы, да еще так рано, если бы не мать Ирины Елена Анатольевна, заподозрившая, что дочь «уже не девочка». Кто знает, как бы все сложилось, знай она, что Олег к этому отношения не имел и переживать стоило куда раньше – в Ириной старшей школе.

Елена Анатольевна была главным бухгалтером в вузе, где учились Олег с Ириной. Несколько раз мать случайно стала свидетелем их встреч в коридоре и у корпуса (жаркие поцелуи и прикосновения наталкивали на определенные подозрения) и заявила, что не позволит процветать распутству. Под нажимом матери девятнадцатилетняя Ирина согласилась выйти замуж, Олег оказался не против. Вероятно, здесь сыграла роль не только красота невесты, но и квартира в центре города, в которой Елена Анатольевна обещала поселить молодоженов. Да и с учебой теща, благодаря ее связям в вузе, могла помочь (и Олегу не пришлось бы идти в армию).

Ребенок получился случайно, и весть о беременности Ирины что она сама, что ее муж приняли без энтузиазма. Но мысли об аборте у супругов не было (в любом случае мать бы просто убила Ирину, узнав, что та взяла на душу такой грех). Тихон родился недоношенным и даже пережил клиническую смерть, о чем никогда не узнал. В семье предпочитали не вспоминать ту историю. Рос он вполне здоровым.

Появление малыша повлияло на брак скорее отрицательно – до этого поводов для склок было чуть меньше. Елена Анатольевна трубила о том, что нельзя разводиться, пока Тихон хотя бы не пойдет в школу – отчасти из уважения к ней как главному источнику всевозможной помощи, в том числе материальной, пара продержалась некоторое время, а затем все же распалась, к огромному облегчению обоих.

Из-за того, что с расставанием затянули как минимум на год, у родителей Тихона остались масса претензий друг к другу и осадок – не горький, а пресный и мерзкий, как лекарственный порошок. Ирина припоминала бывшему мужу, что он обманул какие-то ее ожидания, он обвинял ее в измене (возможно, не беспочвенно). Видеться никто не хотел, даже ради сына, хотя периодически Олег появлялся с каким-нибудь навороченным конструктором или паром-

возиком. Мать не запрещала Тихону играть с ними, но выражение лица у нее при этом было такое, что мальчик быстро догадался изображать равнодушие к игрушкам при ней и доставать их, только когда мама спит или оставила его с бабушкой.

Бабушке было до лампочки, во что играет внук, но вот упоминать при ней отца не стоило: Елена Анатольевна при всяком удобном случае заявляла Тихону, что Олег «подлец и слабак» (странное сочетание). С этим неприятным ощущением мальчик и рос. Бабушке он верил, потому что ее боялась даже мама.

Чтобы мама с бабушкой не расстраивались, малыш стал принимать и так нечасто приходившего к ним папу холодно, а однажды нагрубил ему. Правда, потом, выбежав в коридор, извинился с подкатившим к горлу комом и невыносимым чувством вины.

Иногда ему сильно не хватало папы. Тихон представлял, как обнимает отца, прижимается к его широкой груди и слушает стук любящего сердца – впрочем, именно к Олегу эти фантазии отношения почти не имели. Абстрактный отец был куда более заботливым и близким, чем реальный.

Мне повезло, что папа всегда был рядом. Даже когда родители развелись (а произошло это рано), я продолжал чувствовать его любовь и причастность ко всем сферам моей жизни. Отец знал, какая девочка понравилась мне в садике, куда я больше всего люблю ходить по воскресеньям, о чем думал в субботу перед сном, о какой игрушке мечтаю. В пять лет я поведал ему, что хочу стать врачом, чтобы помогать людям. Папа все понял и одобрил: сам он был офисным работником и, по его словам, ощущал себя бесполезным («Уж лучше дворником – хоть улицы бы чище сделал»).

Странно, но я не помнил, ЧТО думал об отце в детстве. Все впечатления, связанные с ним, я будто получил постскриптом. Они были осознанными, основанными больше не на воспоминаниях, а на чем-то... на чем-то глубинном. Их словно записали на кассету и загрузили в мой мозг, когда я стал постарше.

С воспоминаниями о матери, например, дело обстояло совсем не так. Я был убежден, что все происходившее с нами и отпечатавшееся в моей памяти – настоящее. Я мог описать, в какой цвет она красила волосы, каким тоном окликала меня, когда бывала мной недовольна. Как вздыхала, говоря о бывшем муже: «Мы с папой разошлись, Тихон, но это не значит, что он не любит тебя. И ты будь к нему поласковее, когда он тебя навещает».

Но... порой я думал, что с моей своеобразной памятью ни в чем нельзя быть абсолютно уверенным. Она играла со мной злые шутки.

Это я начал понимать уже тогда.

III

Тихон ходил в новую школу, буквально за год возведенную неподалеку от его дома. Ко второму классу мама начала отпускать его одного – сначала он очень этим гордился, потом привык и стал воспринимать короткий путь как бесценную возможность побыть наедине с собой и все обдумать. «Всем», разумеется, были не скучные события его реальной жизни: вечные ворчания недовольной бабушки, мамины перепады настроения, которое зависело не от Тихона (в основном от мужчин, и они постоянно менялись), нудные уроки, увлеченные машинками и роботами и постоянно дерущиеся за чем-то мальчишки-одноклассники. Со сверстниками Тихон сходил все так же плохо, но научился быть вежливым и просто держаться в стороне.

Мысленно он создавал себе другие миры и пребывал в них – как правило, это были фантастические миры, в которых он обладал суперспособностями. Но бывало, что Тихон моделировал уже случившееся, подменяя некоторые (многие) факты, слова, свои и чужие реакции, поступки и их последствия. Каждое более или менее впечатлившее его событие мальчик выворачивал наизнанку, он фантазировал, и не всегда эти фантазии были приятными.

Однажды, прочитав сочинение Тихона, учительница похвалила его «богатое воображение». Это же словосочетание то и дело произносила его бабушка, правда, с иным подтекстом: ей казалось, что внук привирает. Его это обижало – он принципиально старался быть честным, однако бабушка умудрялась ловить его на «лжи». Как-то мама спросила, откуда у него в портфеле шоколадка, мальчик ответил, что получил ее в столовой – в честь наступающего праздника вместе с горячей едой детям дали сладости. Слышавшая объяснение Тихона бабушка возмутилась: «Да ведь это я ему купила! Опять сочиняет! Весь в отца». Со временем бабушка привыкла приписывать бывшему зятю все возможные недостатки – даже те, которыми он и близко не обладал.

Ирина не стала отчитывать сына, только пробурчала что-то и ушла. Наверняка ее мысли, как всегда, были заняты другим. Тем не менее Тихон был раздосадован: ведь он отлично помнил, как забрал шоколадку из столовой и решил приберечь на будущее – в отличие от нетерпеливых одноклассников. В кабинете еще два урока то и дело раздавался шелест упаковки, учителя в конце концов устали делать замечания. Так какой смысл ему был врать, откуда взялся шоколад? Бабушка просто воспользовалась случаем, чтобы упрекнуть Тихона, при этом изобразив, что она из кожи вон лезет, заботясь о нем.

Чем старше становился мальчик, тем сильнее его раздражало ее поведение. Иногда это ощущение перерастало в другое – чистое, жесткое, резкое. Ярость. Порой он готов был ее ударить... и почему-то совсем этому не удивлялся. Точно не было ничего естественнее.

IV

– Послушай, мам.

Обращаться к Ирине в этот вечер – как и в любой другой, начиная с середины года, когда ее понизили на работе и очередной «перспективный» окололюбовный роман дал трещину – было не лучшей идеей. Тихон прекрасно это знал, но все же рискнул: дело того стоило.

– А? – Мать терла морковь так агрессивно, что от мелькания ее руки у мальчика слегка закружилась голова.

Горка морковной стружки на деревянной дощечке росла на глазах. Ирина считала, что салаты помогут ей похудеть (а сыну не повредит здоровое питание). Тихон мало смыслил в диетах, но смутно подозревал, что количество майонеза, которым она заправляет полезную еду, вряд ли способствует оздоровлению.

– Это же нормально – иногда... ну... фантазировать?

Ирина резко повернулась к сыну, прекратив трудиться над морковью, от которой и так остался один скелет.

– Опять за свое? Если будешь врать, как папаша, я и с тобой разведусь.

Фраза прозвучала вполне привычно – уж ключевые-то слова из нее мальчик слышал ежедневно, – поэтому он пропустил ее мимо ушей.

– Я имею в виду не вранье. Тебе же приходилось представлять, как могло бы быть?..

От волнения, а беседа волновала его куда сильнее, чем он хотел показать, Тихон выразился сумбурно.

Ирина поняла его по-своему.

– Еще бы! Иногда я думаю, как здорово было бы родиться слизнем. От них особо ничего не требуют: ни красоты, ни пользы, ни денег...

Представив скользкого слизня, отстегивающего кому-то деньги пачками, мальчик прыснул, хотя мама даже не улыбалась. Напряжение немного спало, он отпустил спинку стула, за которую цеплялся.

– Я не о том, мам.

– Понимаю – замки, чудовища, принцессы. Я тоже была ребенком, хотя слишком давно. А жаль!

Ирина швырнула горсть тертой моркови на блюдце, точно петарду, и полезла в холодильник за майонезом. Мать вела себя как обычно, и это успокаивало – значит, страх, посещавший Тихона в последнее время, и правда был иррациональным. Мальчик пытался, но никак не мог убедить себя в этом сам. Тут требовалась помощь взрослого, который выполнит конкретную миссию – вынесет вердикт: «Все в норме». По головке можно даже не гладить.

– Однажды, – мальчик понизил голос почти до шепота, – я убил человека.

Рука Ирины вновь замерла, теперь – на крышке от баночки с майонезом.

– Как это? – спросила она скорее растерянно, чем с ужасом.

– Она потом не пришла на занятие, потому что я вроде как убил ее...

– Кого – «ее»?

– Александру Андреевну.

– Боже, да она звонила мне сегодня по поводу твоих оценок по природоведению. Что за чушь ты несешь? Кстати, почему ты так и не сдал дневник погоды? Кто его за тебя заполнять будет, бабушка?

Горку моркови, уложенной в глубокую тарелку, увенчала жирная капля майонеза.

– Я швырнул в нее учебником и попал в висок. Помнишь, ты смотрела кино, там девушка ударилась виском и умерла? Вот и Александра Андреевна умерла. Дети были в шоке, а я сидел и смотрел на ее тело, такое маленькое и жалкое...

– Ты не заболел? – Ирина вытерла испачканную едой руку о полотенце и тревожно пощупала лоб сына.

– ... а после звонка на следующий день ее не было в классе, и это понятно, ее не было вообще. – Тихон давно не произносил столько фраз подряд: обычно он предпочитал держать все при себе, особенно если его не спрашивали, но тут слова лились и лились. – Но она зашла – вся растрепанная, растерянная, бежала, наверное. А на месте, где она лежала, валялась чья-то розовая ручка с Микки Маусом. Так смешно. Нет, не смешно совсем. Я ее поднял.

Мальчик наконец выдохся и устремил взор на мать. Это был тот же взгляд, каким он одаривал ее и пять лет назад, ожидая реакции на свой поступок или надеясь, что она изменит суровое, с его точки зрения, решение. Страх и восторг. Сейчас этот взгляд означал: «Я люблю тебя и веряю себя тебе, говори и делай что хочешь».

– Поднял чужую ручку? А владельцу вернул? – вот и все, о чем спросила мать.

– Владелице. – Все, что ответил сын.

Ирина вспомнила разговор с Тихоном лишь на следующий день, потому что смутно ощущала некий дискомфорт. Та беседа была как электронное письмо, помеченное флажком в почте – прочитано, но к нему стоит вернуться.

– У Тихона много свободного времени. И он часто один, – наконец сообщила Ирина матери с легкой претензией.

Обычно Елена Анатольевна предупреждала все проблемы, которые могли появиться у дочери, а тут не углядела. Внук стал странным. «Беспокойным», как говорила про себя Ирина.

– Запишу его в кружок, это поможет, – вынесла вердикт мать Ирины после непродолжительной тирады, смысл которой сводился к тому, что она и так делает ради ребенка что может.

Идея с кружком английского языка не сразу, но провалилась. Лучшее место (а бабушка не позволила бы отдать Тихона в другое) находилось далеко от дома, отпускать мальчика одного мама и бабушка не хотели, а возить его туда днем дважды в неделю было проблематично как для Ирины с девятичасовым рабочим днем и дурным шефом, так и для Елены Анатольевны, которая не собиралась на пенсию. Кроме того, ребенок не завел друзей и не стал менее замкнутым, хотя «чушь», как тогда на кухне, больше не нес. Особых способностей к английскому у Тихона не обнаружилось, но не было и явных проблем. В общем, уже через месяц водить его на занятия перестали, а он, кажется, этого и не заметил.

Все вернулось на круги своя. Вот только Тихон дал себе еще одно обещание, тяжелое для девятилетнего ребенка: никому никогда больше не пытаться рассказать, что с ним происходит.

Это не напоминало захватывающие фильмы о школьниках, внезапно превратившихся в террористов. У меня не было оружия. Не было лужи крови. Лишь странная поза учительницы, скрючившейся на полу, и синий кровоподтек на ее виске (разве так бывает?) указывали на то, что я убил ее.

Все было честно. Я даже не стал считать до тринадцати, думал, успокоюсь, а она говорила и говорила, отчитывала и отчитывала меня за тот дурацкий дневник погоды – вернее, его отсутствие. А все вдруг затихли и слушали, как будто были с ней заодно. Это и взбесило. Последняя капля. Надо же было так меня разозлить!

Я кинул учебник без преступного умысла. Наверное, Александра Андреевна вскрикнула и упала, я не помню. Но эта картина, вид убитой мною женщины, еще долго стояла перед моими глазами. Как неправдоподобно – несколько минут назад здесь звучал голос этой женщины, я помнил ее жесты, манеру общаться, улыбаться, хмуриться... разве их можно отнять в один миг? Я бы свою жизнь просто так не отдал.

Время вдруг замедлилось и превратилось в тягучую патоку. Мне не было страшно, было почему-то даже уютно, хотелось задремать. А еще лучше – исчезнуть. Параллельные миры в моей голове спасали от всего, что казалось чересчур реальным, но на сей раз скрыться пока не удавалось. Я располагал только тем, что было передо мной: класс, доска, тело и тридцать притихших в испуге одноклассников.

Господи, какие они жалкие, не люди, а выводок цыплят. Таращат глаза и молчат. Никто не догадался позвонить в полицию, в «скорую», да просто позвать взрослых. Я-то благодаря бабушке с раннего детства знал, как действовать в экстренных ситуациях. Все-таки хорошо, что я с ними не общаюсь. Миша с третьей парты предлагал мне встать в пару на физкультуре, но я сделал вид, что не услышал, и в итоге перебрасывался мячом с учительницей.

– Ну как? Что теперь делать? – прозвучал голос позади меня.

Мила Казакова – прилежная девчонка с первой парты, все вроде стандартно, но какая-то чертовщинка в ней есть. Думает, я знаю?.. Решаю, казнить или миловать? Раз я убил человека, то должен и дальше брать на себя ответственность?

– Теперь – ждать. – Мой голос был уверенным, и мне это понравилось.

– Чего ждать? – спросила она спокойно, без недоумения.

Это тоже подкупало – особенно если учесть, что остальные по-прежнему ошеломленно молчали.

– Шаг сделан, скоро все изменится, – сообщил я, и действительно – изменилось: меня наконец-то «выбросило» в параллельную реальность.

V

Мила и ее подружки учились прыгать через скакалку. Мелькали стройные ноги в школьных туфлях, летела пыль. Тихон наблюдал за происходящим с дерева. Никто из учителей пока не заметил, как высоко он забрался, иначе немедленно подняли бы панику. Наблюдать за всеми отсюда было удобно, но мальчик делал это без особого любопытства, скорее даже из необъяснимого чувства долга.

С раннего детства окружающие поясняли и показывали ему, что в каких ситуациях надлежит делать и ощущать. Он старался выполнять необходимый минимум, чтобы к нему не цеплялись. Первый теплый майский день, через три недели летние каникулы, на перемену всех выпустили во двор. Одноклассники так бурно ликовали, и, ладно уж, Тихон тоже был доволен – ему надоел душный кабинет.

Во дворе дети играли компаниями – его, как обычно, никто не звал, Тихона считали странным и почему-то опасались. Поводом, за который все радостно ухватились, стала его «лживость». Когда его просили (давно, те времена прошли) о чем-то рассказать, он мог сообщить одно – скупыми репликами, но все же, – а назавтра по тому же поводу «припомнить» совсем другое. В ответ на вопрос, чем вызвана такая разница, молчал с отсутствующим видом. Школьный врач посоветовал бабушке Тихона «показать ребенка специалистам», но не на ту напала: Елена Анатольевна не смогла стерпеть, что ей указывают, заявила в школу и провела с врачом беседу, после которой ему самому не помешал бы психиатр.

«Так. Выглянуло солнце. Я должен радоваться. До конца перемены целых десять минут. Это, по идее, тоже должно меня воодушевлять», – с отстраненной иронией, удивительной для девятилетнего мальчика, отметил про себя Тихон. На самом деле, если что-то «казенное» заканчивалось, будь то урок или перемена, он вздыхал с облегчением. Все это приближало момент, когда он останется один и будет думать, чувствовать, а может, и делать что заблагорассудится.

– Ого, смотри, как он высоко!

У Тихона екнуло сердце. Опуская взгляд, он еще позволял себе надеяться на то, что речь не о нем, но напрасно – дерево обступили четыре девчонки. Скакалки они бросили прямо на землю – такое чувство, будто их новой игрушкой должен был стать он.

– Как ты туда забрался? – крикнула Мила бодрым и любопытным голосом репортера-телевизионщика.

– Ногами, – отозвался Тихон, потому что не отвечать было бы невежливо.

– А ветка под ним точно прочная? – Подружка требовательно дернула Милу за руку, словно та могла дать точный ответ, но почему-то не хотела.

– Ветка подо мной точно прочная, – пробормотал Тихон.

– А он умеет вести диалог, – издевательски-восторженно отреагировала другая подружка.

– Ладно. Давайте оставим его в покое, – произнесла Мила, при этом не двигаясь с места и не отрывая взгляда от Тихона.

– Он должен быть в коллективе! – с умным видом выдала одна из девчонок, наверняка повторив фразу старших.

– Ничего он никому не должен. Идемте.

Тихон молчал. Могло показаться, что он напряженно ждет, пока все отойдут, но на самом деле мальчик был огорошен. Такого о нем еще никто не говорил, и эта фраза поразила его лаконичностью и неожиданной точностью. Он правда не должен (ну, если не считать мелких домашних обязанностей, вроде уборки на собственном столе раз в неделю, и глобальных вещей – сыновний долг, например). До сих пор Тихону казалось, что он себя в основном и не ограничивает. Только казалось.

«Ведь можно делать, думать, высказывать, на что-то решаться. Я же человек». В мозгу всплыло слово «убийца» – что за чушь?

– Лезь сюда, – произнес он спокойно, глядя на Милу. – Ветка крепкая, честно. Ты убедишься.

Когда ты вдруг освобождаешь себя, то можешь позволить себе любую глупость – почему нет? Где-то в глубине души Тихон всегда ощущал себя экзотической рыбой, плавающей в заурядном аквариуме с мальками.

Мила даже ни о чем не спросила, будто этого и ждала. Поставила на дерево ногу в маленькой запылившейся туфельке – так неуклюже, что у Тихона все сжалось внутри.

– Сейчас поднимусь, – произнесла она отважно и буднично, точно речь шла о банальной поездке в лифте.

Она же девчонка. Девчонки не умеют лазить по деревьям. Тем более, те, что сидят в белых наглаженных блузках на первой парте и знают все ответы.

Тихон хотел сказать Миле, что передумал и решил побыть один, но не смог, просто не смог это произнести. Досада на самого себя разрасталась – нет, раздувалась, не давая дышать, перерастая в бессильную злобу. Откуда столько эмоций?

Тем временем Мила карабкалась, вцепившись в дерево руками и ногами, ноги каждую секунду искали – и пока, к счастью, находили – опору. Тихон начал считать вслух.

Один. Два. Три...

– Что ты считаешь? – В тоне Милы читалось: «Я тебя не понимаю, но честно попытаюсь понять».

Тихон чуть не ответил «овец», но все же промолчал. Лучше бы так.

Когда он досчитывал до тринадцати, все менялось. Но не как у матери – более ощутимо: менялась реальность, полностью. Вычислив закономерность, он перестал злоупотреблять счетом – может, испугался, – но теперь точка кипения была так близка...

Она почти забралась, но...

– Боже!

Тоненький отчаянный вскрик – и она падает назад, ох, позвоночник же ломает. «Боже» – интересно, а что в такой ситуации вырвалось бы у ее подружек? Речь не о ругательствах, а о степени испытываемого ужаса. Успела ли крикнуть что-то Александра Андреевна?..

Мила уже лежит внизу, ее крик разносится по всему двору. Травма серьезная, в этом Тихон уверен. Что самое жуткое, он видит глаза Милы, в полном боли и страха взгляде немой закономерный вопрос: зачем?

Зачем он ее толкнул? Да он никому не приносит ничего, кроме несчастий. Даже мать, которая любит его, быстрее построила бы личную жизнь без него и отлично это понимает.

«Интересно, а если я спрыгну?..». Намерения нет, просто шальная мысль.

Конечно, к Миле сбежались все – и подружки, и другие одноклассники, и спохватившаяся наконец учительница (где же раньше была?). Кто-то вызвал скорую помощь – может, вой сирены заглушит хоть ненадолго этот ужасный крик. Странно, но на Тихона никто не смотрит, он так и остается на дереве, сторонний наблюдатель.

С какой высоты она упала? Второй этаж? Или выше?..

Он больше не злится. Наверное, ему должно быть жаль Милу. Да и чувство вины, где же оно? Но ведь он никому ничего не должен, так?..

– Тихон?

Нахмурившись, я смотрю на нее.

– Подвинься и дай мне руку. Не бойся, сильно тянуть не придется, я сама могу...

Мила есть Мила, она все может и решает сама, несмотря на юный возраст. Я поддерживаю ее, но ей, кажется, это действительно не требуется. Мощная ветка под нами даже не прогибается. Этот дуб – как исполин, да его и землетрясение не сломает.

– Ой. Как здорово. Отсюда все как на ладони, да?

Мила уже сидит рядом со мной и бесстрашно болтает ногами, глядя вниз (руки при этом так крепко вцепились в ветку, что пальцы аж побелели).

– Да. Мне тоже нравится, – соглашаюсь я.

– Привык смотреть на всех свысока? А на меня теперь не выйдет! – Мне чудится, или в ее голосе сквозит обида?

Слегка теряюсь.

– Я скорее привык вообще не смотреть. Ну, то есть... дело не в тебе... но... но.

Я делаю вид, что разглядываю облака – как занимательно. А подружки Милы снова взялись за скакалки, но то и дело тревожно задирают голову и глядят на нас. Иногда озираются – если появится учительница, шуму будет...

– Думал, мне слабо залезть, да?

– Не-е. Не думал я так. Я опасался. Ну, понимаешь...

– Я понятливая. – Теперь Мила говорит с вызовом.

Она повернулась ко мне, изучает меня (что интересного-то?), и я тоже замечаю то, чего не видел раньше. У нее зеленые глаза с коричневыми вкраплениями и светлые, едва заметные веснушки. А волосы не просто русые, а – может, свет так падает? – нежно-золотистые.

– Скоро звонок. Сейчас выйдет училка, – напоминаю я.

– Заберемся сюда еще?

Судя по тону, она ждет только положительного ответа. Видя, что я мешкаю, добавляет:

– Тут круто.

Я вдруг вижу ее там, на земле, и воздух пререзает дикий крик. Секундный кадр, но этого хватает. Самое страшное, что сцена похожа больше на воспоминание, чем на мимолетную фантазию. От этого по спине пробегают мурашки.

– Я люблю сидеть здесь один. Извини.

Получается угрюмо и резковато. Мила сразу отворачивается, секунду смотрит в никуда, потом бодро произносит:

– Ладно.

Мы спускаемся по очереди, я вроде страхую ее внизу. Весь класс видел нас на дереве, но старшим никто не сказал. Предсказуемо. Я всегда считал одноклассников трусливыми, но уж никак не подлыми.

VI

– Где ты был? Опять скажешь, что ничего не помнишь? Мам, сводим его к психиатру, а? – с порога выпалила Ирина, не дожидаясь объяснений сына.

Тихон пришел поздно – в пятый раз за месяц. В двенадцать лет такие выходки непозволительны, заявила ему мать еще в первый, но – никакого эффекта.

– А я всегда говорила, что его нужно показывать специалистам.

Да неужели?!

Постаравшись проглотить раздражение, ставшее его постоянным спутником, Тихон кинул тяжелый портфель на пол возле полки для обуви, где ботинки подростка соседствовали с туфлями на высоченных каблуках. Туфлями отчаявшейся женщины.

Бабушка, как обычно, пришла в гости и, видимо, осталась, поскольку дочь волновалась из-за Тихона. Иногда ему казалось, что бабушка живет с ними, и иллюзия была не из приятных, но – ха! – ее обуви здесь не было, так-то.

– И где ты шляется?

Очевидно, бабушка решила, что если вопрос повторит она – и грозным тоном, – мальчик ответит с большей вероятностью. Однако он только пожал плечами.

– А ну дыхни, – скомандовала Елена Анатольевна.

– Ты думаешь, он..?! – нервно отреагировала Ирина.

Ее сын не отозвался, только приостановился на пути в комнату.

– Все нужно проверять.

Бабушка подошла к Тихону сама – он спокойно выполнил ее требование.

– Нет, не пил, – заключила Елена Анатольевна и, подумав, добавила:

– Это точно.

«Ты-то эксперт во всем».

– Пусть лучше покажет руки, – подсказала Ирина.

Тихон покорно закатал рукава. И бабушка, и мать внимательно изучили его вытянутые руки и пришли к слегка успокоившему их выводу.

– Так где же..? – начала Ирина, и в этот раз Тихон ответил, даже не дождавшись окончания фразы:

– Я был у друга. А потом решил прогуляться.

После этих слов воцарилась тишина.

– У тебя появились друзья! Почему же ты нас с ними не знакомишь? – наконец произнесла Ирина.

Сын одарил ее мимолетным ироничным взглядом.

– Пока не пришлось.

– Ты стыдишься своих друзей? – В голосе матери появилась особая нотка преувеличенной заинтересованности, этот тон она использовала, когда «вспоминала», что должна быть хорошей матерью. – Они из неблагополучных семей, да?

Судя по выражению лица, с которым Ирина выговорила последнюю фразу, она предпочла бы, чтобы этих друзей все-таки не было. Интересно, а их семью можно назвать благополучной? Отца нет, мать получает копейки, бабушка – побольше, но все равно же на пенсию уйдет когда-нибудь.

– Расскажи мне о своих друзьях, – не отставала Ирина.

Она, казалось, забыла, что только что нападала на сына с претензиями и подозревала его в наркомании. Теперь он должен был вести с ней доверительные беседы.

– Ир, он никогда ничего не рассказывает, с чего бы нам вдруг выпала такая честь? – встряла бабушка.

– Я был у Евгении Семеновны.

Никто, похоже, уже не ожидал от Тихона уточнений – и бабушка, и мама уставились на него озадаченно.

– Это ведь твоя учительница по литературе? Я видела ее на родительском собрании, – сказала Ирина все так же обескураженно.

Мальчик кивнул и тоскливо скользнул взглядом мимо матери. Он смотрел на дверь своей комнаты. Как было бы здорово уединиться и посмаковать этот уютный вечер, подумать еще немного обо всем, что Она ему сегодня о себе поведала. Единственный друг, Евгения Семеновна сыграет важную роль в его жизни – это предчувствие не покидало Тихона.

– Сколько ей лет? – строго спросила Елена Анатольевна.

– Какая разница, мам? – Ирина ответила вместо мальчика.

– Может, она вызывает у него влечение.

– Что за чушь!

– Или она его уже совратила?

– Мама, это бред!

– В любом случае учительница не должна быть другом подростка.

Елена Анатольевна всегда знала правильные ответы. Но Тихон не боялся неправильных и тихо повторил:

– Евгения Семеновна – мой друг.

Все началось с замечания о моей богатой фантазии, которое она обронила после проверки очередного сочинения.

– То же самое мне говорила учительница в младших классах, – внезапно сказал я, и весь класс дружно обернулся, потому что я крайне редко что-то комментировал.

Ругали меня или хвалили – оценки у меня бывали разные, так что случалось и то и другое, – я в основном молчал и кивал. Эмоций практически не испытывал. Тот случай с Александрой Андреевной, который я, очевидно, сочинил, стал (стал бы) исключением.

– Знаю. Я о тебе слышана, – произнесла Евгения Семеновна с отвлеченной полуулыбкой.

Было очевидно, что развивать тему она не собирается, ведь надо еще рассказать об образе Тараса Бульбы, но я на этом не успокоился. Может, воодушевил сам факт того, что мне – редкий случай – удалось завязать даже короткую беседу с кем-то, кроме родственников. Выходя из зоны комфорта, я ощущал свободу. Поэтому после занятия я подошел к Евгении Семеновне.

В этот момент возле учительского стола топтались еще несколько человек – кто-то интересовался, когда сдавать самостоятельную работу, кто-то хотел «закрыть» долги по стихотворениям. Я терпеливо дождался, пока мини-толпа рассосется и она обратит взгляд на меня. Мне всегда нравился ее взгляд – внимательный, глубокий, спокойный, будто она хорошо знала этот мир и была готова делиться опытом с теми, кому это действительно нужно.

За миг до того как задал вопрос, я уже был уверен: она понимает, что меня-то волнуют не оценки и не сдача «хвостов».

– Евгения Семеновна, я хотел спросить, – бойко произнес я.

– Да?

Теперь она не отвлекалась и, кажется, никуда не спешила. Однако в кабинет стали заходить дети из другого класса – перемена подходила к концу. Это немного сбило меня, мысли начали путаться, но эффект получился странный: вместо того чтобы окончательно растеряться и замолчать, я высказал то, чего не собирался:

– Я хотел спросить, что вы слышали обо мне от коллег, но на самом деле мне это не очень интересно.

Евгения Семеновна не удивилась.

– Вот как, – отреагировала она скорее понимающе. – Так чего же ты хочешь?

– Поговорить.

– Думаю, не о литературе.

– Нет.

– Тогда почему со мной?

– Сложно объяснить.

И что, я вот так возьму и расскажу ей, случайному человеку, всю свою историю? Она узнает то, чего не знает никто? Неужели я не заметил, как дошел до точки, когда уже не могу молчать и должен выговориться – хотя бы один раз...

До звонка оставалось меньше минуты, и народу в классе прибавлялось. Евгения Семеновна сняла со спинки стула пиджак – довольно невзрачный, серый в тонкую полоску – и подхватила со стола выдавшую виды сумку песочного цвета. Эта женщина выглядела ухоженной, но ассоциировалась у меня с классической архитектурой – нечто величественное, монументальное, будто бы вечное, но в то же время бесконечно далекое от современных реалий.

Я впервые задумался об ее возрасте. Никогда не умел определять такие вещи. Тридцать пять? Сорок шесть?

– После этого урока я буду в тридцать третьем кабинете, – сообщила Евгения Семеновна и больше ничего не добавила.

Меня это устроило, ответил я быстрым кивком. Мы вместе двинулись к выходу. Сказать «до свидания» было бы странно, ведь я планировал прийти через сорок пять минут, и вообще, я обычно не говорил лишних слов (но при этом собирался рассказать...?!). В итоге я посмотрел на нее и снова кивнул, выразив тем самым и благодарность за то, что она согласилась меня выслушать.

На алгебре, моем последнем в тот день уроке, я вертелся и все не мог успокоиться, сочиняя первую фразу монолога. Вот Евгения Семеновна передо мной. Вопросительный взгляд поверх аккуратных очочков направлен на меня. И я начинаю сначала. С чего начинаю? Наверное, с этого: «Я никогда никому не говорил, но мое воображение, оно...».

Нет, не то. «Когда вы сказали, что у меня богатая фантазия, я подумал, может, вам будет интересно...». Да не будет ей интересно, с чего я взял? Она согласилась поговорить из вежливости. У нее, скорее всего, потом еще будут занятия, мне надо уложиться в десять минут. Видимо, она не ожидает, что у меня столько всего накопилось. Ой, да ладно, я с детства жил в параллельных мирах, но только сейчас...

А, кажется, вот и она, первая фраза. «Я с детства жил в параллельных мирах...». Что ответит Евгения Семеновна? Мне ведь все равно? Я хочу просто выговориться?

Нет, вдруг осознаю я, мне нужно увидеть ее реакцию, я хочу, чтобы она рассуждала обо мне как о лирическом герое. Пусть обглодает мой внутренний мир по косточкам, удостоились же такой чести выдуманные персонажи книг Пушкина, Лермонтова, Гоголя. Из урока в урок мы анализируем, что вложил автор в каждого из героев. А что Автор, кто бы он ни был, вложил в меня? Зачем ему понадобилось так все спутывать? Почему я начал сомневаться во всем, что помню о других, о себе, об окружающем меня мире, не могу пересказать ни одной истории, чтобы меня не уличили во вранье? За что это мне, кому и для чего это нужно?

Вопросов было чересчур много, и копились они, очевидно, слишком долго. Меня стала бить дрожь, и я сам не успел заметить, как принялся шепотом считать: один, два...

Нет. Я поговорю с ней, она же будет ждать меня, зачем мне исчезать, да Господи, шесть, семь, восемь, остановись немедленно, остановись!..

VII

«Укажите год и место рождения». Хм. Тихон погрыз ручку и после пары секунд раздумий аккуратно вывел в анкете правильный, как он надеялся, ответ. «В каком я сейчас мире? Воображаю я это или это происходит на самом деле?». Вопросы стали для него такими же привычными, как для других – «какая сегодня погода?» и «выключил ли я свет перед выходом?».

Иногда он будто забывал правила, по которым живут люди, и был бы благодарен, если бы кто-то собрал их для него в энциклопедию и тайком положил ее под подушку.

В какой-то момент Тихон признался себе, что не против махнуть на все рукой и больше не вдумываться – упекут в «дурку», подумаешь, что он вообще теряет? Но нет. Чувство самосохранения все еще было сильно. «Останусь на плаву, пока смогу», – пообещал он мысленно.

– И распишитесь вот здесь, – подсказала девушка дружелюбно, но с плохо скрываемым нетерпением.

Тихон поставил росчерк и уже после попытался вспомнить, такая ли у него подпись в паспорте. А, неважно.

Несмотря на то что ему было всего пятнадцать, парня взяли работать в кафе. Не поваром, разумеется – рядовым «посудомойщиком». Пришлось подключить городской центр занятости молодежи, чтобы отыскать работу по возрасту и способностям. Но без денег было никак нельзя: бабушка слегла; естественно, мать перевезла ее к ним. Тихон опасался, что больная уже не встанет. Нужны были лекарства. Денег не оставалось буквально ни на что. Ирина разрешила сыну использовать заработанное «на личные нужды», но, подумав, он решил, что никаких нужд, требующих вложений, у него нет. Потом подумал еще и понял – кое-что таки есть. Он хотел пойти на курсы.

Его не волновали компьютерные игры, спиртное, сигареты, спорт, девчонки – все, что обсуждали сверстники. У Тихона уже был внутренний мир – запутанный, странный, порой шокирующий, но его вполне хватало. Друзей среди ровесников мальчик не нашел – впрочем, и не искал. Девушки тоже не было, и он плохо представлял себе, каково это – встречаться. Но обучение чему-то – не школьное, по верхам, а углубленное, направленное, по четкому графику – стало для Тихона идеей фикс. Ему казалось, это упорядочит его жизнь и придаст ей некий смысл, структуру. Может, даже образует фундамент.

Идею подала Евгения Семеновна во время очередного совместного чаепития. Впервые он побывал у нее перед каким-то праздником – она растрогалась, когда Тихон подарил ей открытку и вызвался проводить домой. С тех пор он провожал, а она приглашала все чаще. Их дружба длилась уже два с половиной года.

Учительница была не замужем, детей у нее не было, жила она с пожилой матерью, которая также с теплотой принимала Тихона. С тех пор как он рассказал Евгении Семеновне о параллельных мирах (а он все-таки это сделал, причем, кажется, не в одной реальности), они регулярно это обсуждали. Сначала учительница, очевидно, шла мальчику навстречу, видя, с каким облегчением он выплескивает то, что копилось годами. Ни разу не подвергла его слова сомнениям – кивала и даже не хмурилась. Не предложила ему обратиться к психиатру. Нет, он не превратился для нее в одного из лирических героев – она не разбирала его по косточкам, а естественно и органично принимала таким, какой он есть.

Невероятно – и в то же время Тихон не был удивлен, испытывал лишь радость и благодарность. Он высоко ценил дружбу с Евгенией Семеновной, поэтому ему хотелось говорить не только о себе, но и о ней.

Первое время они беседовали в коридоре или в пустом кабинете (не слишком часто – Евгения Семеновна не хотела подчеркивать, что как-то выделяет Тихона). Потом стали общаться вне школы – и продолжали, когда она перестала вести уроки у его класса. Однажды

учительница рассказала мальчику, почему выбрала именно эту профессию (он в жизни бы не подумал, поразительно), чем увлекается (тоже неожиданно). А постепенно вырисовался ее образ, образ мудрой, доброй, внешне простой, но в то же время особенной женщины, которая обожала литературу и верила в предзнаменования. Тихон ни с кем не хотел делиться сокровенной информацией, поэтому не говорил об учительнице даже с мамой. Знала ли мама об их дружбе? Он не помнил, но лучше бы, наверное, не знала.

Итак, работа. К ней можно было приступить уже с понедельника, и это воодушевляло Тихона. Наконец от него хоть что-то зависело.

– Пришел? – Сварливый голос бабушки – первое, что услышал мальчик, открыв дверь в квартиру.

Болезнь сделала и без того непростой характер Елены Анатольевны невыносимым. Она постоянно раздражалась, злилась, периодически напоминала каждому, чем он ей обязан и почему должен прибегать по первому ее зову (хотя все и так прибегали).

– Разогрей суп, – скомандовала она коротко, стоило Тихону расшнуровать кроссовки.

– Сейчас, бабушка, – негромко произнес он. – Как ты себя чувствуешь?

– Ничего нового. Мне шестьдесят пять, и я не молодею.

Шестьдесят пять – не восемьдесят, хотелось сказать Тихону, но он промолчал. Бабушка отлично знала свой неутешительный диагноз – видимо, объяснение своего недомогания «возрастом» было способом психологической защиты. Она страдала от болей (пока не очень сильных, врачи прогнозировали, что будет хуже), но словно считала, что стоит произнести слово «рак» – и образ сильной, несокрушимой женщины тотчас рухнет. Близкие шли ей навстречу, и это слово в доме никогда не произносилось. Вполне достаточно того, что оно не раз прозвучало в больнице.

– Суп холодный, – заявила Елена Анатольевна, едва взяв тарелку узловатыми морщинистыми пальцами.

Тихон отметил, что бабушка выглядит лет на десять старше, чем даже полгода назад. Он хотел бы испытывать к ней жалость, но вместо этого почему-то мечтал сбежать. «Мы никогда особенно не ладили», – напомнил себе Тихон, но совесть это не успокоило. «Я никому ничего не должен», – добавил он, но на сей раз, похоже, ошибся.

Конечно, он был должен. Не только ухаживать за бабушкой – это он делал без нареканий, как спокойно ухаживал бы за любым пациентом хосписа, если бы его попросили, только бы приносить реальную пользу.

Он должен был любить ее. Но не любил. Некоторые посчитали бы это трагедией, а для него неутешительное открытие стало всего лишь витком внутреннего лабиринта. Еще и это, ну что ж. Он за свою жизнь любил только двух людей – мать и Евгению Семеновну. Возможно, на том для него все и закончится. Да некоторые вообще сироты и равнодушны к окружающим.

Я снова «ушел» на счет тринадцать – за последние несколько дней это стало доброй традицией. И как от таких трагедий отвлекаются «нормальные» люди?

Евгения Семеновна постоянно настраивала меня на то, что я «не сумасшедший, называй это богатой фантазией». Если придется с кем-то об этом говорить. Я искренне надеялся, что не придется.

Ну, фантазия так фантазия. Кто-то фантазирует о путешествиях, кто-то – о деньгах и славе, а я вот, видимо, о других мирах, в которых почти стираются воспоминания о мире настоящем. А какой из них «настоящий»? Может, как раз этот?

В нем бабушка – просто бабушка. Не главный бухгалтер, не женщина-кремень, решающая проблемы, а добродушная улыбчивая пенсионерка.

– Ба, я сегодня окно мячом разбил.

Я помню, что только что перенесся, но уже не помню, откуда. Что там произошло? Вроде что-то плохое. Не знаю. Тут случилась лишь одна неприятность, в которой я и признался бабушке.

Сквозь стекла ее квартиры светит такое яркое солнце, что все происходящее кажется несерьезным, а заикленность на мелких проблемах – насмешкой над всемогущей природой. Бабушка в своем любимом синем сарафане в красную крапинку пьет кофе на кухне.

– Окно мячом? Классика жанра, – протягивает она с легкой улыбкой.

Бабушка никогда не раздражается по пустякам, да и не по пустякам в основном тоже. Не то что мама.

– Где это было, в школе? – интересуется она, как будто я пересказываю остросюжетный роман.

Я мотаю головой и приглаживаю все еще мокрые от пота, взвихрившиеся на затылке волосы.

– Во дворе у Ромки, мы в футбол играли. Я гол забил!

– Надеюсь, тебя никто не видел.

– Ты что, ба, меня видели, мне аплодировали! Гол был эффектный! – возмущаюсь я.

– Я об окне – оно что, тоже эффектно разбилось? Фейерверк из осколков?

Мы оба посмеиваемся, и на сердце становится совсем спокойно. Друзья говорят, у меня самая задорная бабушка в мире, она девчонкам фору даст. А я и не отрицаю, что мне повезло.

«Куча приятелей, классная родня, хорошие оценки... как тебе это удастся?» – опять спросили меня не так давно. На самом деле судьба часто дает людям многое (суть в том, способны ли они это оценить), но что-то и забирает взамен. У меня забрала отца.

Как я уже упоминал, мы с папой были очень близки, их с мамой развод этому не помешал. Наши отношения сделались еще теплее, когда я вырос: отец стал больше доверять мне, мы о многом могли поговорить откровенно, и я не чувствовал барьеров между нами – ни психологических, ни объективных возрастных.

Оборвалось (от одного слова все внутри сжимается и дрожит от недоверия – неужели??) резко и глупо, глупее некуда. Отец работал прорабом на масштабной стройке в центре города и сорвался с высоты тринадцатого этажа. Ему было тридцать три. Мне – тринадцать.

Когда мне рассказала мама (несмотря на их вечные разногласия, она плакала), я вскрикнул – больше от изумления, чем от ужаса – и замолчал. На месяц. Нет, дар речи меня не покинул, просто не было желания с кем-то разговаривать и вообще взаимодействовать с миром, в котором возможна такая чудовищная несправедливость.

Евгения Семеновна договорилась, чтобы меня не вызывали к доске, и все работы я выполнял письменно. За то время я дважды пришел к ней – разумеется, по ее приглашению – и не сказал ни слова. Она умудрялась повернуть так, чтобы мне и не пришлось ничего комментировать – рассказывала о своем прошлом, о прошедшем войну отце, о бабушке, до старости трудившейся в детсаду. Ну а мать, врач с тридцатилетним стажем, могла поведать о себе сама.

Я кивал, улыбался. А после шел домой к маме, слушал плеер и смотрел по сторонам. На людей, на витрины, на дороги, на чистоту и замусоренность улиц – и не думал вообще ни о чем, сливался с толпой, шагал в заданном направлении. В такие моменты реальность становилась как никогда плоской и однозначной, потому что существовало только «здесь» и «сейчас».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.